

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе гражданина Пospelова Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статьи 29 Патентного закона Российской Федерации

город Москва

4 декабря 2007 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, А.Л.Кононова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, О.С.Хохряковой, Б.С.Эбзеева, В.Г.Ярославцева,

заслушав в пленарном заседании заключение судьи Г.А.Гаджиева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А.Л.Пospelова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А.Л.Пospelов оспаривает конституционность положений статьи 29 Патентного закона Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 7 февраля 2003 года № 22-ФЗ), а именно подпункта 1 пункта 1, предусматривающего, что патент на изобретение в течение всего срока его действия может быть признан недействительным полностью или частично в случае несоответствия запатентованного изобретения условиям

патентоспособности, установленным данным Законом, и пункта 3, в соответствии с которым патент признается недействительным полностью или частично на основании решения Палаты по патентным спорам, принятого по возражению против выдачи патента на изобретение по указанному основанию, и аннулируется.

Как следует из представленных материалов, коллегия по гражданским делам Челябинского областного суда в определении от 23 ноября 2006 года, принятом по кассационной жалобе А.Л.Поспелова на решение судьи Ленинского районного суда города Магнитогорска Челябинской области от 29 сентября 2006 года, которым на основании статей 1102 и 1103 ГК Российской Федерации был удовлетворен иск о взыскании с А.Л.Поспелова суммы полученного им вознаграждения по лицензионному договору как неосновательного обогащения, пришла к выводу, что в силу пункта 3 статьи 29 Патентного закона Российской Федерации аннулирование патента влечет недействительность всех основанных на нем обязательств с момента выдачи патента. Исходя из этого суд признал, что лицензионный договор № 3568, заключенный в отношении использования патента на изобретение № 2180058, вследствие аннулирования этого патента по решению Палаты по патентным спорам от 7 февраля 2006 года является ничтожным независимо от признания его таковым судом и не порождает никаких юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с его недействительностью, а поскольку изобретение «дюбель» не соответствовало условию патентоспособности «новизна» и патент № 2180058 на него был выдан незаконно, каких-либо прав авторства на данное изобретение ответчик А.Л.Поспелов не имел изначально.

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения в их истолковании судебными органами Челябинской области противоречат статьям 2, 7, 8, 17, 21, 35 (части 1 и 3), 44, 46, 55 и 118 Конституции Российской Федерации, поскольку, позволяя признавать патент недействительным в течение всего срока действия, допускают тем самым его неоднократное оспаривание; при этом Палата по патентным спорам, не

входящая в систему судебных органов, выносит решения, связанные с лишением гражданина его имущества, государство же, осуществляя в лице своего патентного ведомства экспертизу заявки и регистрацию изобретения, принимая пошлины за регистрацию патента и годовые пошлины за его поддержание в силе, вместе с тем не несет ответственности, если регистрация признается недействительной. В таких случаях, считает заявитель, автор-патентообладатель оказывается незащищенным законом, так как с него взыскиваются суммы неосновательного обогащения, причем в пользу лица, которое использовало ранее признанное государством изобретение и уже получило соответствующую прибыль, а после аннулирования патента дополнительно обогащается за счет взыскания выплаченных автору-патентообладателю сумм вознаграждения.

Кроме того, в обоснование своей позиции заявитель приводит ряд доводов, касающихся вступления в силу решения Палаты по патентным спорам, приостановления судебного разбирательства по иску о взыскании лицензионных платежей до рассмотрения Палатой по патентным спорам возражений по патенту, недопустимости обращения за признанием патента недействительным лица, не использующего патент, и т.п., которые фактически направлены на проверку законности и обоснованности принятых в отношении него правоприменительных решений, что не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

2. Согласно статье 44 (часть 1) Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода научного, технического и других видов творчества; интеллектуальная собственность охраняется законом. Охрана законом интеллектуальной собственности вытекает также из международных договоров Российской Федерации, в частности из Парижской конвенции по охране промышленной собственности, обязывающей государство создать

специальную службу, которая должна регистрировать права промышленной собственности (статья 12).

Изобретения, будучи результатом творчества, интеллектуальной деятельности, представляют собой нематериальные объекты гражданских правоотношений и как таковые могут одновременно использоваться неограниченным кругом лиц. Для включения изобретений в рыночный оборот необходимы правовые механизмы (способы обособления новых технических результатов), отличные от тех, которыми осуществляется охрана частной собственности, и основывающиеся на специальном оформлении, регистрации изобретения и закреплении исключительных прав изобретателя, чему предшествует проводимая уполномоченными органами государства экспертиза.

Подтверждение уполномоченным государством органом по защите интеллектуальной собственности факта создания охраняемого законом изобретения означает, что изобретателю предоставляется привилегия, позволяющая компенсировать произведенные им затраты и, по возможности, обеспечить положительные результаты от экономической деятельности по распоряжению своими исключительными правами. Вместе с тем в целях обеспечения баланса интересов всех участников технического и научного творчества на законодательном уровне, с одной стороны, закрепляются гарантии защиты исключительного права патентообладателя в отношении защищенного патентом изобретения, а с другой стороны, предусматривается право преждепользования и возможность признания патента недействительным в течение всего срока его действия (статьи 12 и 29 Патентного закона Российской Федерации).

Патентообладатель может не только самостоятельно использовать принадлежащую ему разработку, но и предоставить право на ее использование другим лицам либо уступить свои права, вытекающие из патента, путем уступки патентных прав и заключения лицензионных соглашений. Согласно пункту 1 статьи 13 Патентного закона Российской Федерации по лицензионному договору патентообладатель (лицензиар)

обязывается предоставить право на использование охраняемого объекта промышленной собственности на срок и в объеме, предусмотренных договором, другому лицу (лицензиату), и последний принимает на себя обязанность вносить лицензиару обусловленные платежи и осуществлять другие действия, предусмотренные договором.

Закрепляя в статье 29 возможность досрочного прекращения патентно-правовой охраны путем признания патента недействительным полностью или частично, в том числе в случае несоответствия запатентованных изобретений условиям патентоспособности, Патентный закон Российской Федерации не устанавливает последствия аннулирования патента и тем самым – судьбу основанных на нем обязательств, включая лицензионные договоры. Однако некоторая неопределенность, допущенная законодателем при формулировании положений статьи 29 (в частности, не ясно, прекращается ли действие патента с самого начала, т.е. имеет ли решение Палаты по патентным спорам обратную силу), хотя и затрудняет уяснение их действительного смысла, но не дает оснований для вывода о несоответствии Конституции Российской Федерации.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 10 апреля 2003 года № 5-П, неопределенность в понимании нормы может быть преодолена – в целях обеспечения единого, непротиворечивого правового регулирования – путем систематического толкования с учетом иерархической структуры правовых норм, предполагающей, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в соответствии с нормами более высокого уровня. При невозможности же использования аналогии закона (пункт 1 статьи 6 ГК Российской Федерации) права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости (пункт 2 статьи 6 ГК Российской Федерации).

В качестве подобного общего начала может рассматриваться требование правовой определенности как один из основополагающих

аспектов требования верховенства права, вытекающего из принципа правового государства (статья 1 Конституции Российской Федерации). В данном случае требование правовой определенности предполагает необходимость обеспечения стабильности сложившихся правоотношений, возникающих на основе официально признанного государством изобретения и при добросовестности патентообладателя.

Правовая охрана изобретений основывается на проводимой государством экспертизе новизны и изобретательского уровня. И до тех пор, пока государство признает действительность патента, все обязательства, в которые вступает патентообладатель по использованию своих исключительных прав (за исключением случаев выдачи патента с указанием в нем в качестве автора лица, не являющегося таковым), должны считаться действительными, а полученные по ним суммы признаваться законным доходом. Иное противоречило бы природе патента, при том что признак изобретательского уровня как критерий патентоспособности изобретения во многом зависит от таких субъективных обстоятельств, как техническая и правовая осведомленность лиц, проводящих экспертизу (в отношении А.Л.Поспелова взыскание уплаченных ранее лицензионных платежей как неосновательного обогащения имело место в результате установления по инициативе лицензиата отсутствия новизны по одному из существенных признаков изобретения, причем добросовестность лицензиара не опровергалась).

Согласно пункту 3 статьи 10 ГК Российской Федерации в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются. В силу статьи 1103 ГК Российской Федерации правила, предусмотренные его главой 60 «Обязательства вследствие неосновательного обогащения», применимы к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке, только поскольку иное не вытекает из существа соответствующих отношений. Существо отношений по лицензионному

договору заключается в том, что предоставление лицензиату права на использование технического решения может быть осуществлено не иначе как с согласия лицензиара, имеющего исключительные права на соответствующее изобретение, и это существо отношений между сторонами, заключившими лицензионный договор исходя из предположения о действительности патента на изобретение, не изменяется последующим признанием патента недействительным в той части, в которой договор был исполнен к моменту аннулирования патента.

Фактически по такому исполненному договору лицензиат получает искомую выгоду от использования изобретения (в частности, в виде экономии времени, материальных ресурсов, преимущества перед конкурентами), в отношении которого презюмировалось наличие патентной охраны. Полученная лицензиатом выгода обосновывает необходимость выплаты лицензиару предусмотренных договором лицензионных платежей и исключает возможность применения правил о неосновательном обогащении. Любое лицо, в том числе лицензиат, полагающее, что патентная защита была предоставлена необоснованно, и желающее свободно использовать изобретение без получения разрешения правообладателя и выплаты ему лицензионных платежей, вправе подать возражение против выдачи патента в течение всего срока его действия.

Таким образом, положения подпункта 1 пункта 1 и пункта 3 статьи 29 Патентного закона Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу не предполагают возможность в случае признания патента недействительным и его аннулирования признание недействительными лицензионных договоров в той части, в какой они были исполнены к моменту вынесения решения о недействительности патента.

3. По мнению заявителя, положения статьи 29 Патентного закона Российской Федерации исключают законную охрану интеллектуальной собственности, поскольку допускают признание патента на изобретение недействительным в течение всего срока действия, т.е. двадцати лет, и устанавливают тем самым специальный срок исковой давности; при таких

обстоятельствах патентообладатель не имеет законных гарантий на защиту в суде своего права, поскольку в соответствии со статьей 199 ГК Российской Федерации исковая давность применяется только судом при разрешении гражданских дел, возражение же против выдачи патента рассматривается в Палате по патентным спорам, что не позволяет патентообладателю обратиться с заявлением о пропуске срока исковой давности лицом, подавшим возражение против выдачи патента.

Установление срока, в течение которого может быть обжалован патент на изобретение, – прерогатива законодателя, который осуществляет соответствующее регулирование исходя из потребностей правовой политики. Предоставление возможности признания патента недействительным в течение всего срока его действия не может быть признано нарушением статей 35 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Что касается вопроса о возможности применения сроков исковой давности, которая применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения (пункт 2 статьи 199 ГК Российской Федерации), Палатой по патентным спорам, то его разрешение предполагает выяснение правовой природы Палаты по патентным спорам и пределов судебного контроля за ее решениями.

В соответствии со статьей 11 ГК Российской Федерации основной способ защиты гражданских прав – судебная защита (пункт 1); защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законом; решение, принятое в административном порядке, может быть оспорено в суде (пункт 2 в редакции Федерального закона от 18 декабря 2006 года № 231-ФЗ; вступает в силу с 1 января 2008 года).

Согласно статье 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Созданные в результате научного или технического творчества изобретения представляют собой охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, объекты гражданских прав, т.е. являются «имуществом» изобретателя в смысле статьи 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации. В связи с

этим объективно возрастает значение юридических процедур и эффективного, а не формального судебного контроля за решениями административного органа, связанными с лишением имущества (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 года № 3-П).

Таким образом, оспариваемые заявителем положения статьи 29 Патентного закона Российской Федерации не являются препятствием для реализации конституционного права на судебную защиту, поскольку принятое во внесудебном порядке решение о признании патента недействительным может быть обжаловано в суд и проверено в порядке последующего судебного контроля.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, пунктами 2 и 3 части первой статьи 71, частью первой статьи 79 и статьей 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Положения подпункта 1 пункта 1 и пункта 3 статьи 29 Патентного закона Российской Федерации не предполагают в случае признания патента недействительным и его аннулирования возможность признания недействительными лицензионных договоров в той части, в какой они были исполнены к моменту вынесения решения о недействительности патента.

Конституционно-правовой смысл указанных законоположений, выявленный в настоящем Определении на основе правовых позиций, ранее выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в сохраняющих свою силу решениях, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

2. Признать жалобу гражданина А.Л.Поспелова не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального

конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Пospelова Александра Леонидовича, основанные на положениях статьи 29 Патентного закона Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Определении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно, не подлежит обжалованию и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

Судья-секретарь
Конституционного Суда
Российской Федерации

Ю.М.Данилов

№ 966-О-П